

Въ златомъ кольцо на пальцѣ у нее?
 Такъ, это ты, погибшая невѣста!
 А я... я твой женихъ, женихъ морей;
 Вотъ мой сафирь, твоимъ очамъ подобный;
 А тамъ насъ ждетъ и брачный нашъ корабль.

Рихардъ.

Я угадалъ развязку, добрый витязь!
 Она твоя; возьми свою невѣсту,
 Сокровище, мнѣ посланное небомъ.
 Держи ее могучею рукою:
 Ты вѣрное прижмешь ко груди сердце.
 Но что? Смотри, мой рыцарь, ты совсѣмъ
 Запутался въ сѣтяхъ моей Торильды.

В. ЖУКОВСКИЙ.

8 Ноября, 1832.

Вернѣ, на берегу Женевскаго озера.

ГУСАРЬ.

=

Скребницей чистилъ онъ коня,
 А самъ ворчалъ, сердясь не въ мѣру:
 «Занесъ-же вражій духъ меня
 На распроклятую квартиру!

Здѣсь челоуѣка берегутъ,
 Какъ на Турецкой перестрѣлкѣ,
 Насилу щей пустыхъ дадутъ,
 И ужъ не думай о горькѣ.

Здѣсь на тебя какъ лютой зверь
 Глядитъ хозяинъ, а съ хозяйкой....
 Не бось, не выманишь за дверь
 Ея ни честию, ни пагайкой.

То ль дѣло Кіевъ! Что за край!
 Валятся сами въ ротъ голушки,
 Виномъ хоть пару поддавай,
 А молодежи — молодушки!

Ей ей, не жаль отдать души
 За взглядъ красотки *чернобровой*.
 Однимъ, однимъ не хороши.....»
 — А чѣмъ же? Расскажи, служивой.

Онъ сталъ крутить свой длинный усъ
 И началъ: «Молвить безъ обиды,
 Ты, хлопецъ, можетъ быть не трусь,
 Да глупъ, а мы видали виды.

Ну, слушай: около Днѣпра
 Стоялъ нашъ полкъ; моя хозяйка
 Была пригожа и добра,
 А мужъ-то померъ, замѣчай-ка.

Вотъ съ ней и подружился я;
 Живемъ согласно, такъ что любо:
 Прибью — Марусинька моя
 Словечка не промолвить грубо;

Нашьюсь — уложить, и сама
 Опохмѣлиться приготовить;

Мигну бывало: Эй, кума!
 Кума ни въ чемъ не прекословить.

Кажись, о чемъ бы горевать?
 Живи въ довольствѣ, безобидно!
 Да нѣтъ: я вздумалъ ревновать.
 Что дѣлать? врагъ попуталъ видно.

За чѣмъ бы ей, сталъ думать я,
 Вставать до пѣтуховъ? Кто просить?
 Шалить Марусинька моя;
 Куда ее лукавый носить?

Я сталъ присматривать за ней.
 Разъ я лежу, глаза прищуря,
 (А ночь была тюрьмы черной
 И на дворъ шумѣла буря)

И слышу: кумушка моя
 Съ печи тихохонько прыгнула,
 Слегка обшарила меня,
 Присѣла къ печкѣ, уголь вздула,

И свѣчку тонкую зажгла;
 Да въ уголокъ пошла со свѣчкой,
 Тамъ съ полки скляночку взяла,
 И свѣъ на вѣникъ передъ печкой,

Раздвѣлась доната; потомъ
 Изъ склянки три раза хлѣбнула,
 И вдругъ на вѣникъ верхомъ
 Взялась въ трубу и улизнала.

Эге! смекнулъ въ минуту я:
 Кума-то, видно, басурманка!
 Постой, голубушка моя!....
 И съ печи слѣзь — и вижу: склянка.

Понюхаль: кисло! что за дрянь!
 Плеснулъ я на полъ: что за чудо?
 Прыгнулъ хватать, за нимъ лахань,,
 И оба въ печь. Я вижу: худо!

Гляжу: подъ лавкой дремлетъ котъ;
 И на него я брызнулъ склянкой —
 Какъ фыркнетъ онъ! я: брысь!... И вотъ
 И онъ туда же за лоханкой.

Я ну кропить во все углы
 Съ плеча, во что ужъ ни попало;
 И все: горшки, скамьи, столы,
 Маршь! маршь! все въ печку поскакало.

Кой чортъ! подумалъ я: теперь
 И мы попробуемъ! и духомъ
 Всю склянку выпилъ; върь не върь —
 Но къ верху вдругъ взвился я пухомъ.

Стремглавъ лечу, лечу, лечу,
 Куда, не помню и не знаю;
 Лишь встрѣчнымъ звездочкамъ кричу:
 Правый!..... и на землю упадаю.

Гляжу: гора. На той горѣ
 Кипятъ котлы; поютъ, играютъ,
 Свистятъ, и въ мерзостной игрѣ
 Жида съ лягушкою вѣнчаютъ.

Я плюнулъ и сказать хотѣлъ.....
 И вдругъ бѣжить моя Маруся:
 Домой! Кто звалъ тебя, пострѣль?
 Тебя съѣдятъ! Но я, не струся:

Домой? да! чорта съ два! почему
 Мнѣ знать дорогу! — Ахъ, онъ страшный!

Вотъ кочерга, садись верхомъ
И убирайся, окаанный.

— Чтобъ я, я съѣзъ на кочергу,
Гусарь присяжный! Ахъ ты, дура!
Или предался я врагу?
Иль у тебя двойная шкура?

Коня! — На, дурень, вотъ и конь.
И точно: конь передо мною,
Скребеть копытомъ, весь огонь,
Дугою шея, хвостъ трубою.

Садись. — Вотъ съѣзъ я на коня,
Ищу уздечки, — нѣтъ уздечки.
Какъ взвился, какъ понесъ меня —
И очутились мы у печки.

Гляжу: все также; самъ же я
Сижу верхомъ и подо мною
Не конь — а старая скамья:
Вотъ что случается порою.

И сталъ крутить онъ длинный усь,
Прибавя: молвить безъ обиды,
Ты хлопецъ, можетъ быть, не трусь,
Да глупъ, а мы видали виды.

А. ПУШКИНЪ.